

К Р О К О Д И Л

ЛУНИНЦЫ МЕТКОЙ СТРЕЛБЫ

(Советская подводная лодка под командованием Героя Советского Союза капитана 3-го ранга тов. Лунина торпедировала германский линкор «Тирпиц»)

Пловучий тир в Баренцовом море

Рис. Б. Пророкова

Нос

ЭТО не рассказ. Здесь не будут описаны какие-либо события. Я поставил перед собой более скромную задачу—дать беглый очерк одной нам хорошо знакомой личности.

Речь идет о Луке Луккине.

Вот не уважаю я этого человека—и никто меня с этого рубежа сдвинуть не сможет. И честный он, кажется, парень, Лука Луккин. И работает, кажется, неплохо. И порядочен, кажется, в быту. И книги, кажется, читает. И вообще за ним, кажется, числится очень много разных достоинств.

А уважать его нет никакой силы-возможности. Да и не я один такой. Уверен, что когда читатель потрудится дочитать этот очерк до конца, то и он всецело присоединится к моему мнению.

Больше всего не нравится мне в почтенном Луке Луккине его нос.

С легкой руки Гоголя, нос в русской литературе занял подобающее ему место. Осмелившись внести свой небольшой вклад в эту сокровищницу, я хочу со всей силой подчеркнуть, что отнюдь не собираюсь касаться физической стороны вопроса.

Не по душе мне нос Луки Луккина по чисто моральным соображениям.

Видите ли, в чем дело,—это нос без перспектив. Он никогда не смотрит прямо, вперед: он или вадрин в гору или прислушан долу.

Все зависит от тех или иных спорок в утренней газете.

В газете, скажем, сегодня написано, что наши части на зыбком участке фронта нанесли удар по противнику и заняли ряд населенных пунктов. Нос Луки Луккина начинает сразу карабкаться к потолку.

Мы все радуемся успехам нашей Красной Армии. Каждый из нас говорит:

— Хорошо! Значит, работать еще чище, еще горячей!

Но Лука Луккин настроен иначе. Он бодро попирает руки и, наслаждаясь ароматом папиросы, низко воркует:

— О! Сейчас маленько и отдохнуть можно. Давно я, грешный, галстунка не надевал!.. А маскпояску эту самую с нашего здания пора бы и сорту убрать... И почему у нас дежурные разные, вахтеры, пропуски? Все это, по-моему,—лишнее на сегодняшний день... «Серый камень, серый камень, серый камень—пить пудов. Тяжелее сера камня—распростертая любовь...» Хороша песня!

Проходит неделя—другая. Лука Луккин рано утром прочел в газете, что наша часть на зыбком участке фронта вынуждена была отойти на новый рубеж, оставив ряд населенных пунктов.

И сразу чувствительный нос нашего героя скатывается с роковых высот в болотистую низину.

Мы все переживаем горечь неудач. Каждый из нас говорит:

— Война—это война. Что бы сегодня ни случилось, но завтра—мы это твердо знаем,—завтра встанет утро, увенчанное победой. И еще мы говорим друг другу:

— Значит, надо, товарищ, работать чище, горячей!

Но Лука Луккин настроен иначе. Он нервно попирает руки и, бросив на пол недокуренную папиросу, угрюмо воркует:

— О, ни минуты покоя, ни секунды отдыха!.. И к чему я напялил на себя этот дурацкий галстук?.. Нашел время!.. И зачем это под окном развели разные клумбы, цветочки?.. Нашли время!.. Чему улыбаетесь?.. Нашли время!.. Я сейчас совершенно не могу работать... Не то настроение, чтобы что-нибудь делать... И как это вообще можно теперь чем-нибудь серьезно заняться? Кто там за окном поет? Нашел время!.. «Серый камень...» Ужас!.. Ужас!.. И даже говорят, что будто бы...

Нос, повешенный на хвину, то бледнеет, то зеленеет. И блещет на носу капельки дождяного пота.

Противно смотреть на него. Я имею в виду не нос, а его жалкого хозяина.

Г. РЫКЛИН

— Слыхали!..

— Рассказал один солидный человек... Не трепач...

— Да что вы говорите?..

— Уверяю вас!.. Это точно!..

— Вот так новость!..

— Пойти рассказать...

Пиратская Баллада

Плывут, потерявши компас и маршрут.
Плывут, не краснея песни орут.

Вальяются в зверской и подлой красе
И Зигфрид, и Готфрид, и рыцари все.

И вьется на мачте со свастикой флаг.
Все вылиты и чорту из бочек и флаг.

Все съедено и дьяволу. И на борту
Голодные морды глядят в темноту.

В каюте азартная злая игра.
Последние ставки гребут шулера.

Последний, последний приходит рассвет.
Последний экипаж собирает совет.

Тут первым выходит из главный актер.
Еще он геройского грима не стер.

Не броски кривляться друзьям на беду,
И речь произносит почти как в бреду.

ГЛАВНЫЙ

Хотите цифри! Отчета ждете!
Не выйдет, рыцари! Шалаш!
Недаром нам гадала тета,
Что все на свете свистит лишь.

Я обещал вам сто Германний,
Подачки роздал на сто лет,
И, дулю спрятавши в кармане,
Вбил пулю в каждый пистолет.

Вы шли со мной по доброй воле.
Мы канты, рыцари-друзья.
А вы, накрававши мокрой соли,
Орете, дулами грозя!

Бей, сволочь! Только целясь зорче.
Бей! Всем зарядом в морду гринь.
А я заговорен от порчи
И от твоей обоймы, дрань.

Тут лезет на бочку плясать на костях
Еще один главный, мерзавец-толстяк.

Бросает он золото пьяным в лицо,
И рыцари тесно сдвигают кольцо.

ТОЛСТЯК

Не крап у Пары и мораллоу,
У Карла крейцеров не крап,
Но среди ваших генералов
Я главный обер-генерал.

Я беззастенчиво узаново
И за дебом не расклевываюсь,
И до рассвета на драгоне,
Как штурмовик, в облако влетаю.

Затем без лишнего проволочек
Стремглаз спускаю на вас,
Герр обер Домшер Веттер — летчик,
Герр обер Дренскрепфунг — асс.

Тут лезет на бочку ученый горбун
И что-то лопочет, предчувствуя бунт.

ГОРБУН

Вчера от Кондора до Канда,
От Мандрагоры до Хамы
Громила наша пропаганда
Она истерлана, уны!

Вам не наступили консервы.
Вас не шторма сбивают с ног:
У вас, друзья, плывут нервы,
И, значит, третий бьет звонок.

— Ты путаешь, дурак! — кричат горбуну.
Вдруг кто-то: — Слабей!
Другой: — Я тоню!
Десятый: — Мне тошно!
Пятнадцатый: — Брр...
Таким междометием кончается мир.

Ворюги потеют, теряют жиры,
Терпят броню боевой кожур...
Одна только звездочка в небе горит.
Баллада помлет спяженный ритм.

Корабль куда-то несется вскачь,
Смывает в штормах как циркач.

Когда балладу прочтет мой внук,
Пройдет он мимо балладных штук.

Увидит внук во весь разворот,
Что здесь намалеван фашистский сброд.

Ему не надо знать их имен.
Карикатурой здесь заменен

И Гитлер, и Геринг, и Геббельс, и др.
Их лица стерлись давно до дыр.

Павел АНТОКОЛЬСКИЙ

Иллюстрации Л. Бродяги

Рис. Г. Валька

— Никак не предполагал, что партизаны знают столько языков: и русский, и польский, и чешский, и норвежский, и сербский, и французский...

ДЫМОК

ОТТО Каартонен был в восторге: ранаска-скалась достаточно серьезной, и из госпита-ля его отпустили на поправку домой. — Выздоровляйтесь, — сказал врач. — Медленно, но верно, — благодарно отве-тил Отто и подумал: «Главное — медленно». Первый его визит был к тетюшке. Так приятно снова встретить родню и знакомых и доложить о своем выздоровлении. Правда, лица у всех несколько вытянутые, но это понятно: они беспокоятся за его здоровье. — Дорогие мои, сейчас я вам расскажу, как я получил эту роковую пулю, — сказал Отто, уютно устроившись в кресле.

Лежа в госпитале, он каждый день мыслен-но украшал пышными словами этот не осо-бенно интересный рассказ, так что теперь, даже при желании, не смог бы сам разобрать, где оуть и где оуделка. — Слушайте. Впрочем, нет. Тетя, у вас, ка-жется, слабые нервы, и вам, право же, лучше бы не слушать. Итак, я начинаю. Крутом прохотали юрдия... Свинцовый дождь лился на наши головы... Смерть заглядывала нам в зрачки... Звела стонала и содрогалась!

Он обвел глазами слушателей. — Очень обидно, — подумал он, — что от та-ких картинок не содрогаются родственники. Даже у хороших кузины Алисы совсем будничное лицо. Но я сумеем их расшевелить! — Мы ползли, как змеи, — продолжал От-то, — скользя среди камней к намеченной це-ли. Цель эта была цокомом под траншейной скалой. Крутом рвались мины, взлетали в воздух фонтаны камней. Двери домика были закрыты, и только из трубы тонкой струйкой вылетал дымок...

Тетюшка оживилась первая. Она встремену-лась, глаза ее заблестели под стеклами очков. — Отто, мой мальчик, ты сказал: дымок? Но ведь если вылетел дымок, там, вероятно, пошла паника? — Очень возможно, — согласился Отто. — Итак, я продолжаю. Опрометью снаряд созо-вешим систом...

— Отто, подумай! — возмущенно прервал

дядюшка. — Ты стал рассеян. Ты перепрыгнул с самого захватывающего места. Ты говорил: дымок? Но, может быть, этот дымок пахнул чем-нибудь необыкновенным, например жареной картошкой, а? — при этом дядюшка сделал губками жевательное движение и громко про-глотил слюну.

«Чорт возьми, не сознаваться же им, — подумал Отто, — что именно из-за этого пусто пахнущего дыма мы и лезли напрямик к из-бушке!»

Он сказал: — Тут уж, знаете ли, разбираться не при-ходилось, чем он там пахнет. Мы встали во весь рост и кинулись к нашей цели. Удар прикатил! Дверь в щель! И вот тут-то из темноты раздался роковой выстрел!

— Ах! — вскрикнула кузина Алиса и закры-ла бледно-голубые глаза. — Дорогая, — утешилась Отто, — не надо волноваться, все это уже позади.

— Ужасно! — справедливо сказала кузи-на. — Значит, раздался выстрел? И вас ранило? И вы так и не узнали, от чего шел дымок? Что там жарилось, в этой пещке? Может быть, там действительно была картошка, и эта глу-хая рана лишила вас такого ужаса!

Отто, опешивший, но все же постарался ответить по возможности галантно:

— Дорогая Алиса, я предпочитаю поужинать в нашем обществе — и вот я здесь! Никто лучше нашей тетюшки не умеет жарить рыбу и кашитить молоко с жирной пенкой. Итак, может быть, мы перейдем в столовую? — Нет, Отто, голубчик, — возмущенно дядюш-ка. — Не в столовую. За нашей рыбой, за на-шим молоком и за нашим картофелем тебе пришлось бы идти гораздо дальше — в Герма-нию! В Берлин! Потому что и наша местная физическая корона и наша физическая рыба...

— Умолю! — процедила тетюшка. — Не го-ворите о вещах из потустороннего мира! Коро-на, рыба!.. Зачем превозносить дорогие тени? Отто, мой мальчик, может быть, ты продолжи свой приятный рассказ про дымок? Или, мо-жет быть, ты вспомнил еще что-нибудь апе-титное в этом роде?..

В. ОГНЕВА

Золотые руки

Мы с подружкой не гадали,
Что придет такой денек,
Что вытачивать детали
Встанем обе за станок.

Но у моей подружки
Золотые руки!
На шестые сутки ей признался
цех:

«От твоих подарков
Будет немцам жарко.
Ты из наших новеньких будешь
лучше всех!»

Я завидовать не стала,
Не заплакала со зла —
Я как следует нажала
И подружку догнала.

Но у моей подружки
Золотые руки!

«Мы, — она сказала, — будем,
как в бою!»
Подмигнула глазом
И почти в два раза
Норму увеличила в этот день
свою!

Я отлично это помню:
«На работе, как в бою!»
И хоть очень нелегко мне,
Все же я не отстаю.
И над «х» начека
Нам сказал без смеха:
«Молодцы подружки! Слева вам и
честь!»

От таких подарков
Будет немцам жарко!»
Мы не отрезаемся — это так и
есть!

Сергей ВАСИЛЬЕВ

РАЗНОСТОРОННИЙ ГЕББЕЛЬС

Рис. Б.р. Ефимова

— Что это с господином Геббельсом?
— Диктует очередную информацию. Так ему легче придумывать
все наоборот.

Метким ударом

(По столбцам красноармейской печати)

СРЕДИ ФРИЦЕВ

— Что же нам останется делать, когда в Европе будет создан второй фронт?
— Сдаться в плен на первом.

(«Красный кавалерист»)

У ФРАНЦУЗОВ

— Слышали?.. Около Парижа, в окрестно-сти скотобойни Виллет, наши патриоты убили бомбой шесть немецких солдат...
— Значит, теперь в этих окрестностях уже не одна, а две скотобойни.

(«Красный кавалерист»)

СТАРЫЕ ЗНАКОМЫЕ

— Андрей Петрович! Слышали про «Баню»?
— Ну вот! Спросил! Я и деду его знал.

— А про «Деда» слышали?
— Еще бы! Я даже с батей его знаком!
(«Вперед на врага»)

В БРЕМЕНЕ

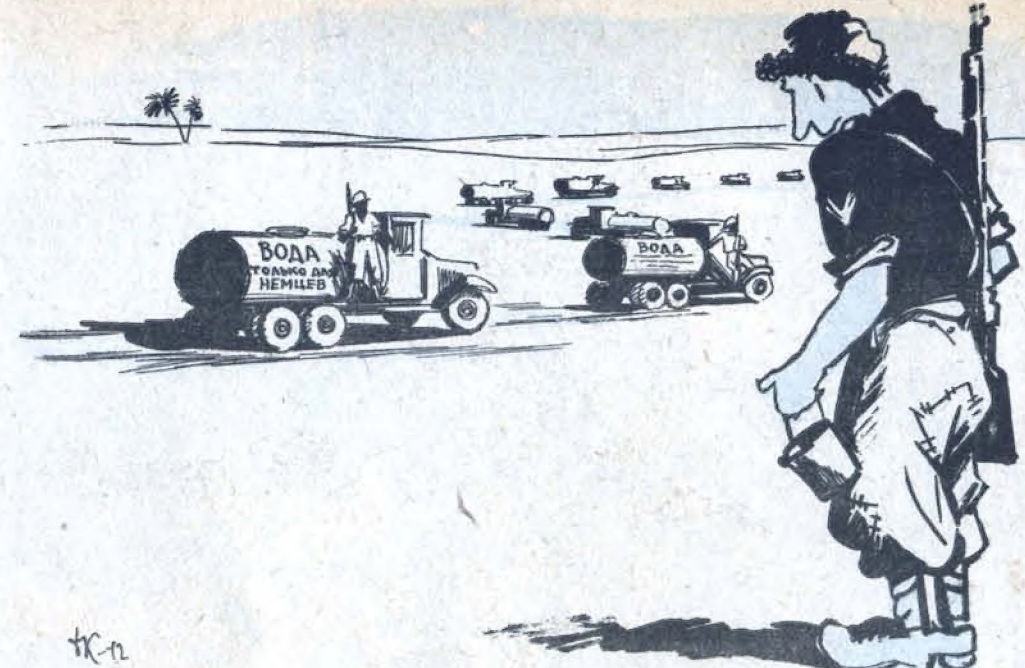
— До чего мил Эрих! В последнем письме он шлет мне тысячу воздушных поцелуев...
— Опять тысячу? Опять воздушных?
(«Вперед на врага»)

ВСЕ ЯСНО

Фриц: —... дурак и мошенник. Ты согла-сен?
Ганс: — Да, скотина порядочная!
Ефрейтор: — Эй, вы там! Заткнитесь! Что: у вас другого разговора нет, кроме как про фюрера трепать языком?

(«Красный кавалерист»)

Рис. Б. Клинча

ИТАЛЬЯНСКИЙ СОЛДАТ: — Как много воды утекло с начала нашей дружбы с Германией!

Сложная душа

СЕМНАДЦАТИЛЕТНИЙ* студент Ганс Шмерке сидел в городском парке на скамеечке и занимался несвойственными ему делами: он думал и грустил.

Думать Гансу всегда было трудно: его мыслительный аппарат работал медленно, тяжело, со скрипом.

Год назад он подрался в пивной с музыкаль-ными клоунами-эксцентриками «2 Мюллер 2» и те полчаса играли на его голове в четы-ре руки пивными кружками.

Голова Ганса выдержала этот своеобразный экзамен на аттестат зрелости, но тот таинст-венный маховик, который ворочается в чело-веческом мозгу, рождая мысли, у Ганса Шмерке стал крутиться в два раза медлен-нее нормального.

Думал и грустил Ганс Шмерке вот по ка-кой причине. На съезде фашистской студен-ческой молодежи в Зальцбурге, откуда Ганс вернулся два дня назад, один оратор сказал, что у молодого немца душа сложная. Почему-то эта фраза глубоко запала в сердце Ганса Шмерке. Впервые в жизни он подумал о соб-ственной душе. Какая она у него: сложная или несложная? Ему ужасно захотелось, чтобы душа оказалась сложной. Это ведь очень приятно, когда про тебя говорят: «Ви-дите этого молодого, красивого студента? О! У него сложная душа!»

Итак, Ганс Шмерке сидел на скамеечке в парке и грустно думал.

Скряпнувший маховик медленно делал свои обороты. — Если того чтобы про меня сказали, что у меня сложная душа, — думал Ганс, — надо со-вершить какой-то необычный поступок. Ка-кой?

Прошло полчаса. Маховик в мозгу Ганса Шмерке сделал новый оборот:

«Хорошо Альберту Гельмуту: он всегда хо-дит грустный, задумчивый, томный. Все дума-ют, что у него сложная душа, а у него просто-напросто оравенческое говоре. Может быть, мне тоже есть смысл пощелкать гово-рею?»

Прошло еще полчаса — маховик делал свое дело:

«Нет, не стоит. Лечение обойдется дорого и вообще... А что если я попробую придумать какой-нибудь новый способ смертной казни? Что-нибудь такое древнегерманское? Тогда про меня обязательно скажут, что у меня душа сложная!»

Прошел еще час — от напряженной работы мыслительного маховика в голове Ганса Шмерке появилось какое-то неприятное дре-безжание.

«Вешать? Уже вешаем! — думал Ганс. — Рубить головы? Давно рубим! Сажать на кол? Сажем! Вот чорт, все способы расхватали! Отдавать на растерзание дикому кабану? А где взять кабана? А если и найдешь кабана, так его с голодухи растерзают сами палачи. Нет, тут я ничего не придумаю. Тут надо профес-сором быть, философом, докторскую степень иметь».

Гансу Шмерке снова стало пусто. Так вот и проквашешь на белом свете без сложной души!

Он закурил вонючую арзамовскую из капуст-ных листьев и, откинувшись на спинку ска-мейки, устало закрыл глаза. А когда снова открыл их, увидел, что рядом с ним сидит на скамейке сморщенная, почтен старуха в старо-модном чепце, с сумкой для продуктов в ру-ках.

Странное раздражение охватило Ганса Шмерке.

«Вот расклеил старая ведьма! — подумал студент. — Она же мне будет мешать мыслить. Смотрит своими белыми — только отле-кает!»

— Фрау! — сказал Ганс Шмерке. — Я вас прошу отсюда уйти. Вы мне мешаете.

— Что? Кто смущаете? — спросила «ста-рая ведьма», приложив ладонь к уху: она была, понаблюдав, глуховата.

— Убирайся отсюда вон! — заорал студент.

— Что? Какой взнос? — переспросила ста-руха.

Тогда Ганс Шмерке быстро поднялся, взял старуху за шиворот и, повернув ее к себе спиной, дал ей такого пинка, что бедная «ста-рая ведьма» перевернулась через дорожку, упала на газон и завала от боли и страха проны-тельно, как старая воздушная тревога.

Судили Ганса Шмерке через два дня. За-щитил его представитель местного отделения «Гитлер югенд союзов». Он сказал блестящую речь, в которой с неоспоримой убедитель-ностью доказал, что поступок Ганса Шмерке — не хулиганский поступок, что суд должен по-нять сложную душу молодого немца, что ста-руха в данном случае олицетворяла толпу и темную массу, над которой всегда царит ге-рой с яркой индивидуальностью, что жизнен-ные силы, бунтующие в сердце каждого тако-го фашиста, ищут выхода и что Ганса Шмерке нужно понять и оправдать.

Суд так и сидел: вонял и оправдал.

Из судебного зала Ганс Шмерке вышел гордый, важный, с высоко поднятой го-ловой. Еще бы! Ведь даже суд признал, что душа у него сложная.

Леонид ЛЕНЧ

— Ямщик, не гони лошадей!..

В тихом гарнизоне

ЮНЫЙ лейтенант Ганс Любке катил на извозчике по тихим улочкам маленького городка оккупированной Франции.

Настроение у него было превосходное. Подумайте, вместо страшного русского фронта он стараниями пети Марты попал во Францию, в страну Петэна и Лавалля!

И Гансу тревилась мирная жизнь маленького гарнизона: дружеские попойки в кругу офицеров, легкие шутки с пикантными француженками, семейные чаепития в гостях у почтенных буржуа...

Пока экипаж трусил по направлению к гостинице, Любке решил потолковать со стареньким извозчиком:

— Ну, как дела, приятель?

Старик покосился на пассажира и неожиданно вытянул кнутом гнедую клячку:

— Какие уж тут дела, меся? Сами видите, кого возить пришлось!..

Так как в этот момент вез он самого Ганса, то презрительно горький тон, которым были сказаны эти слова, показался лейтенанту несколько странным в устах лояльного подданного маршала Петэна.

— Возите вы теперь немецких офицеров, приятель... Что ж, вы недовольны, что ли?

Извозчик снова вытянул кнутом ни в чем неповинную лошадинку:

— Разно бывает, меся... Хромой Пьер, например, очень доволен... Каждый вечер хвастается... «Ты, — спрашивает меня, — сколько немецких офицеров свез?» «Одного, — отвечаю...» «А я, — говорит, — опять трех...»

— Должно быть, у него лошадь получше, — поучительно заметил Ганс.

Старик опять покосился на разговорчивого седока:

— Лошадь — что! Экипаж понарядней будет... Известно, катафалк...

— Что-о?!

— Катафалк, говорю... Пьер — кучер на катафалке...

Яркое французское солнце померкло в глазах юного лейтенанта Ганса Любке. Прогулка в нарядном катафалке с плюмажами предвещала ему не больше, чем братская могила на русском фронте.

— А что, много в вашем городе умирает немецких офицеров? — запынаясь, спросил он.

— Слава богу, от других городов не отстаем.

Юный лейтенант вспотел:

— И от чего же они умирают?

— Смерть приходит...

— Да я не о том спрашиваю. — Любке сделал нетерпеливый жест рукой. — Немецкие офицеры умирают своей смертью, так сказать естественной, или насильственной?..

Извозчик повернулся к седоку вполоборота и обиженно сказал:

— Что вы, меся, помилуйте! Самой что ни на есть естественной... Майора фон Зельца ночью застрелили из окна. Лейтенанта Кранца задушили в гостинице. Ротмистра Зибеля убили за городом, когда он охотился за крестьянскими девушками. Недавно прибывшего лейтенанта Куртиха свои же трахнули пивной бутылкой по голове. Обер-лейтенанта Зюппе взорвали на улице Равенства вместе со всеми...

— Довольно! — заорал Ганс и сердито ткнул кулаком в тощую спину старика. — Замолчи! А по... — и он выразительно дернул кобур от револьвера.

До самой постылки ехали молча. У Ганса ныло сердце. Вот тебе и тихий гарнизон, вот и интрижки с пикантными француженками, вот и страна Петэна и Лавалля! Старая чертовка тетя Марта все набрехала!

В гостинице юного офицера встретил командир батальона майор Штикльвассер:

— Вы что, с ума сошли, лейтенант?

— Что такое, господин майор?

Господин майор от ужаса только мигал воспаленными веками:

— Как это вы решаетесь, не зная города, сесть на первого попавшегося французского извозчика? А если бы он завез вас чорт знает куда? А если бы его сообщники пырнули вас ножом? Вам плевать на это, лейтенант, а у меня убьют в офицерах совсем как под Верденом...

Ганс Любке, которому совсем не было плевать на то, пырнут его ножом или нет, побелел, как мел.

— Но я... я... я... — залепетал он, — не знал, что здесь такая обстановка... Я думал...

— Вы думали, что едете в детский сад? В санаторий маршала Петэна?

— Нет, нет, господин майор... Но я читал в газетах, что немцев во Франции забрасывали цветами...

Красноглазый Штикльвассер грубо захохотал:

— Правильно, юноша. Действительно, когда мой батальон вступил в этот город, французы из окон забрасывали его цветами... Только некоторые по рассеянности кидали цветы вместе с цветочными горшками... И одна такая увесистая кадка попала в голову вашего предшественника, лейтенанта Штуббе... Если хотите навестить его могилу...

Но Ганс не хотел навещать могилу своего предшественника. Ганс вообще ничего не хотел, кроме того как сесть обратно в вагон и укатить домой, в Баварию — к маме, папе, кузине Лине и тете Марте.

Ему больше не грезилась мирная жизнь тихого гарнизона.

Евг. БЕРМОНТ

«Цу хаузе»

Автор этой выразительной карикатуры — немецкий солдат Герберт Пухт.

На карикатуре (справа, в углу) фриц роет не то окоп, не то могилу, что, впрочем, для фрица, брошенного на передовые позиции советско-германского фронта, абсолютно одинаково.

О чем же мечтает фриц, изображенный справа? Фриц не делает из этого никакого секрета: он мечтает о том, как бы выжить, как бы поскорее унести ноги с фронта и добраться домой.

Хотя, как видно из дорожного указателя, фрицу до фронта всего два километра, а до дома — тысяча двести километров, все же он не дурак и, оседлав зайца, мчится верхом «цу хаузе» — домой.

Сладкие мечты Герберта Пухта были прерваны пулей советского снайпера.

Печатаю с удовлетворением посмертное произведение Пухта, мы говорим:

— Молодец! Спасибо!

Это мы говорим не немецкому карикатуристу, а нашему снайперу.

Сначала венец, потом конец

«Вилли!

Итак, с пятницы пошла третья неделя, как мы с тобой обвенчались, и ты уже далеко. Как это все произошло неожиданно и глупо!

Тебя обманули, мой мальчик: оказывается, ты поехал не во Францию, а в Россию. О, это ужасно, мой дорогой! То, чего ты боялся, произошло. Тетка Гертруда вчера была у нас и рассказывала — она была в лазарете, и ей там говорил один раненый офицер, — что наши солдаты в России болеют тифом, плохо питаются и скверно выглядят. Неужели это правда? Ведь в газетах все время пишут о том, что на Восточном фронте хорошо кормят. Берегись, Вилли! Тиф — это ужасная болезнь. А если тебе мало еды, старайся доставать у русских крестьян, да не стесняйся, а то будешь голодным! Тетя говорит: у русских крестьян много сала и масла, но они не дают нашим солдатам, прячут так, что не скоро найдешь. Попугай их пистолетом — и они отдадут тебе. Другие так делают, и они достают. Впрочем, зачем мне тебя учить: ведь ты и сам догадаешься.

Еще просьба. Будь осторожен, не старайся особенно показывать себя, не напрашивайся на опасные дела. Чорт с ними, с наградами и крестами, лишь бы ты вернулся домой живым. Ах, эта проклятая война! Ты, наверное, еще не знаешь: наш сосед Леонард убит в России. Мать его при смерти от этой вести. Еще был. Ведь он у нас единственный сын. Убит также Август Дучинц. Пауль Шмитгольд прислал письмо из госпиталя из Варшавы: ему миной оторвало обе ноги. Ранены Эрлих Штарт, Иозеф Крайнци, Иоганн Берг. Какой-то кошмар! Вчера вечером видела Дуппеля; у вас в колбасной тоже многих уже нет: Мейль убит, Хартим тоже, Луйберг ранен.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. «Правды», 24; тел. Д 3-33-50; Д 3-33-47. Прием изданий с 1 до 3 час. Подписная цена на журнал — 1 р. 50 к. в месяц.

Изд-во ЦМ ВКП(б) «Правда»

Москва. Изд. № 555

Подп. и печати 22/VII 1942 г.

Статформат 72×105 см.

Печ. л. 1. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000

А 50947

Типография газ. «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

Заказ № 1945.

Тираж 200 000 экз.

Ну, готт мит унс (с нами бог)! Я думаю, ты вернешься в свой Мюнхен; у нас все по-старому. Маменька хотя и плачет по тебе каждый день, но здорова, она все дни пропадает в лавках, хотя и купить там нечего.

Да, Вилли! Я задумала сшить себе халат. Не достанешь ли ты там немножко шолку на отделку? Желательно брусничного цвета. У русских хорошее льняное полотно, не достанешь ли? Оно пригодилось бы на чехлы к мягким креслам и дивану. Нет ли там мехов на воротник? Поищи. Ну, будь здоров, Вилли!

Твоя Эльза.

Это письмо я нашел в кармане убитого унтер-офицера Вилли Кюндера. Мюнхенский колбасник лежал на русской земле, широко раскинув руки. Советская мина успокоила бандита навсегда. В конверте вместе с письмом лежала фотография: унтер, одетый в парадную форму, стоит со своей женой. В ранце у него лежали два куска отбельного холста. Он не успел послать его в Мюнхен. Грабитель и мародер Вилли Кюндер, как и тысячи других бандитов из гитлеровской грабьармии, приказал долго жить. Как говорят русская пословица: «Конец — всему делу венец». Правда, поговорка вышла немножко наоборот: сначала венец, потом конец.

Ив. ЕГАРМИН,

старший политрук.

Действующая армия.

Мастер на все руки

Что изображено на этой карикатуре?

Грязный и вшивый фриц, в рваном обмундировании, с обросшей и испитой физиономией, собирается с фронта в отпуск домой. Вот узел с награбленным барахлом, а вот и лошадка на колесиках с надписью «Майн пферд» — «Моя лошадка».

Кто этот фриц? Рядовой Иоганн Новак. Кто автор этой карикатуры? Он же, рядовой Иоганн Новак.

Оказывается, Иоганн Новак — мастер на все руки. Он и портновать горазд, он и пошеварить непрочь... если бы не так сильно и метко стреляли советские бойцы.

Иоганн Новак всего месяц назад приехал на русский фронт. И, пробыв только несколько дней на передовых позициях, твердо решил сдаться в плен. Не расспрашивая товарищей: «Где тут плен?», — хитрый Иоганн Новак в первом же бою обратился с этим вопросом к красноармейцам и получил у них исчерпывающий ответ.

Таким образом, все остались довольны: и Иоганн Новак, благополучно вышедший из игры, и бойцы, взявшие еще одного пленного, и наши читатели, которые, вероятно, охотно посмеются не только над карикатурой, но и над ее незадачливым автором.

ХУЖЕ ЗВЕРЕЙ

Рис. Л. Бродаты

— Кто скажет, что я плохо отношусь к детям! Вот одежонку с твоего мальчишки я и беру для моего Ганса.